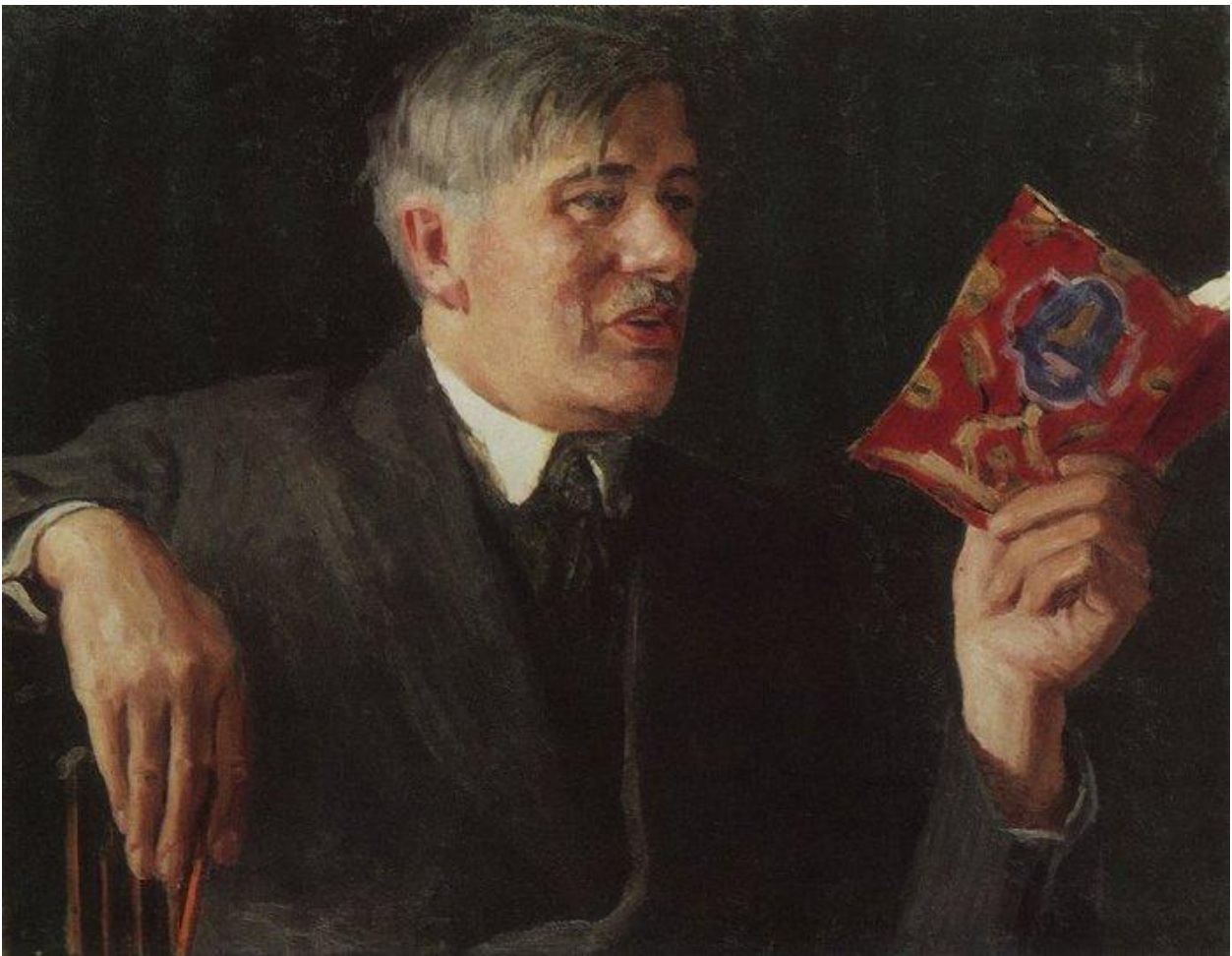

Павел Крючков

ГРУСТНАЯ СКАЗКА КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО

Игорь Грабарь. Портрет Корнея Чуковского

Ему удалось почти невозможное: стать народным писателем ещё при жизни. Он это знал и очень этим гордился. Но это же его всегда очень печалило. В 1969 году, за несколько месяцев до смерти Корней Чуковский написал знакомому литератору, каким он — в который раз — увидел себя в глазах читающей России. "Люди... при знакомстве со мною были приветливы, но ни один не знал, что я, кроме детских книг и "От 2 до 5", написал хоть что-нибудь другое. "Неужели вы не только детский писатель?" Выходит, что я за все 70 лет литературной работы написал лишь пять-шесть Мойдодыров. Причем книгу "От 2 до 5" воспринимали как сборник анекдотов о забавной детской речи". Писателю шел восемьдесят восьмой год.

Но еще за пять десятилетий до этих горьких строк, выпустив в свет лишь первую свою "классическую" сказку, он сообщал собирательнице писательских автографов: "Я написал двенадцать книг, и никто не обратил на них никакого внимания. Но стоило мне однажды написать шутя "Крокодила", и я сделался знаменитым писателем. Боюсь, что "Крокодила" знает наизусть вся Россия. Боюсь, что на моем памятнике, когда я умру, будет начертано "Автор "Крокодила"..."

Чего же бояться? Он — не просто народный, а самый первый наш писатель, тот, чье волшебное имя "корнейчуковский" маленькие дети запоминают одновременно с именами собственных родителей. Отобрать у них "Муху-Цокотуху", "Айболита" и "Телефон" — то же самое, как у дня отобрать восход солнца или пение птиц. Но один из самых знаменитых писателей упорно считал себя неизвестным. В наши дни - дни его 120-летия, когда отечественные журналисты, за редким исключением, привычно повторили несколько шаблонных и давно опровергнутых мифов о нем, начали выходить тома его большого собрания сочинений. Пятнадцать томов — для всего "детского" оказалось достаточно первого. Что же хранят остальные? Кем был этот человек — с выдуманным именем и загадочной биографией, в которой уместилось несколько исторических эпох? И почему, когда он скончался, в самиздате прозвучало, что "умер последний человек, которого еще сколько-нибудь стеснялись"?

В начале девяностых был издан его дневник. Знавший Чуковского полвека писатель Вениамин Каверин признался, что только после этой поучительной, трагической и увлекательной книги он встретился с настоящим Корнеем Чуковским. "Передо мной возникла личность бесконечно более сложная. Переломанная юность. Поразительная воля. Беспрецедентное стремление к заранее намеченной цели. Искусство жить в сложнейших обстоя-

тельстввах, в удушающей общественной атмосфере. Вот каким предстал передо мною этот человек, подобного которому я не встречал в моей долгой жизни".

Он родился 31 марта 1882 года в Петербурге, у Пяти Углов, был крещён Николаем. Затем в метрике следовало имя его матери — "украинской девицы" Екатерины Осиповны Корнейчуковой — и страшное слово: незаконнорожденный. Только своему дневнику Чуковский и доверил беспощадные слова об этом приговоре, вынесенном ему и его сестре Марусе. Он был уверен, что признать себя "незаконным" значит опозорить мать, что быть "байструком" — чудовищно, что пережить этот стыд не удастся никогда. "Раздребезжилась моя "честность с собою" еще в молодости. И отсюда завелась привычка мешать боль, шутовство и ложь — никогда не показывать людям себя...

*Екатерина Осиповна
Корнейчукова*

Маленький Коля вряд ли помнил, почему любимая мама забрала его с сестрой из Петербурга в Одессу. Скорее всего, состоятельные родители столичного студента Эммануила Левенсона (в семье которого была прислугой мать Чуковского) не захотели принять в дом украинку, которая зарабатывала на жизнь стиркой и стряпней, а молодой человек не посмел их послушаться. Но если бы много лет спустя старшая дочь писателя, и сама писательница, Лидия Корнеевна Чуковская, не рассказала в своей книге "Памяти детства" трагическую историю, свидетельницей которой она была в раннем детстве, биографы Чуковского могли с легкостью написать: "Своего отца он не знал".

Все-таки знал. Будучи уже известным литератором, давно покинув опостылевшую Одессу и живя в финском местечке Куоккала, Чуковский неожиданно привез в дом дедушку своих троих детей. Было обещано, что тот погостит несколько дней, но сын неожиданно и быстро выгнал его. О чем они перед этим беседовали, закрывшись наверху в кабинете, — неизвестно. "Почему никто не обедает?" — как ни в чем не бывало спросил

Корней Иванович, закрыв за отцом калитку. Больше об этом человеке в доме никогда не говорили. Можно предположить только, что возможные объяснения сын не принял, не простил, что был навсегда оскорблен за мать. Но его мама всю жизнь любила отца своих незаконнорожденных детей — в одесском доме Корнейчуковых всегда висел портрет бородатого мужчины.

Коля Корнейчуков, 1897 г.

Для Корнея Ивановича быт Одессы его детства навсегда остался символом пошлости, и он всеми силами старался забыть этот город. Во второй половине тридцатых он приехал в Одессу, впервые после того, как покинул ее в 1906 году. Но к дому, где прошла его "раздребеженная юность", даже не подошел. Избавиться от прошлого так и не удалось — свой псевдоним, ставший потом именем, Корней Чуковский, сын сделал из маминой фамилии.

1902 год

Его страстью, религией, смыслом жизни с детства стала литература. Вертлявый мальчишка, еще не исключенный из одесской гимназии по указу о "кухаркиных детях", он убежал в парк с книжкой Овидия и читал вслух "Науку любви", упиваясь словами, складывающимися в волшебную мелодию.

Позже, выучив по растрепанному самоучителю английский, он так же будет убежать к морю на волнорез, читая, пополам с шумом прибоя, открытого им поэта Уолта Уитмена. Вряд ли он мог тогда предположить, что ему предстоит писать об этом великом американце просветительские книги, что предисловие к одной из первых (включаящей и его переводы) напишет будущий старший друг — художник Илья Репин.

Вскоре литературным и человеческим идеалом станет для будущего критика его современник Антон Павлович Чехов. Ему Чуковский посвятит всю жизнь, год за годом открывая в любимом писателе то, чего не захотели, не смогли увидеть современники. Тогда никто не мог знать, что за исследования литературной и человеческой судьбы другого писателя, Некрасова, через шестьдесят лет старейший европейский университет присудит ему звание Почетного доктора литературы. И "вслед" за Иваном Тургеневым ему, кухаркиному сыну, наденут на плечи оксфордскую шелковую мантию...

Публицистический дебют девятнадцатилетнего Чуковского состоялся в газете "Одесские новости". Туда его заставил пойти старший приятель по гимназии, чью энергию Чуковский позже сравнит с моцартовской и напишет об исходившей от друга "духовной радиации". Сегодня именем этого яркого писателя, переводчика и знаменитого сиониста в Израиле названы десятки улиц, оно известно всему просвещенному миру: Владимир Жаботинский. Будущий политический лидер ввел Чуковского в литературу, развил его любовь к языку и сумел разглядеть талант критика. Так, с 1901 года, сначала в "Одесских новостях", потом в других изданиях, начали появляться статьи молодого публициста Чуковского. А поскольку в редакции он был единственным, кто читал приходившие по почте английские и американские газеты, то через два года, по рекомендации все того же Жаботинского, Чуковский отправляется корреспондентом в Англию. Жаботинский также был поручителем жениха на свадьбе Чуковского и Марии Борисовны Гольдфельд.

Чуковский с женой Марией Борисовной. 1910-е годы, Куоккала

Как он гордился перед молодой женой Машей, с которой обвенчался накануне отъезда в Лондон (миловидной барышней, за которой, кстати, будет ухаживать Маяковский, гостивший в Куоккале у Чуковских), что они обедают за одним столом с капитаном! И как сконфузился в Лондоне, когда обнаружилось, что не понимает английских слов на слух! По одной из легенд в том самоучителе, который он когда-то приобрел у одесского букиниста, не хватало страниц, посвященных произношению. Молодой писатель Корней Чуковский произносил слова так, как они пишутся: "writer" звучало у него как "вритер"...

1904, Лондон

Полтора года зарубежной жизни были неровными. Политическая ситуация в России менялась, на горизонте Черного моря замаячил призрак мятежного броненосца "Потемкин" (Чуковский, к тому времени уже вернувшийся в Россию, поднимется на его борт, захватив с собой квасу для восставших), "брожение в умах" ширилось. По решению одесского градоначальника газета перестала продаваться в розницу, гонорары авторам не высылались.

Отправив молодую жену обратно в Одессу, "мистер" Чуковский сел по все более и более бедным адресам, но продолжал ежедневно посещать бесплатный читальный зал библиотеки Британского музея, где читал запоем английских писателей, историков, философов и — критиков — публицистов, тех, кто помогал ему вырабатывать собственный стиль, который называли "парадоксальным и остроумным". Он никого не забыл и в "Оксфордской речи" с благодарностью назвал и Эдгара По, и Диккенса, и Томаса Маколея, и Честертона, и Элиота, и Макса Бирбома. В 1962 году с оксфордской трибуны он озвучил свою так и не осуществленную мечту: издать на русском сборник лучших английских "эссе". А пока, вернувшись в Россию, он затеял издание сатирического журнала "Сигнал", но оказался в тюрьме за "оскорбление высочайшей фамилии". В ожидании суда, в одиночной камере, он читает вслух О.Генри, громко хохочет, пугая надзирателей (русский некролог О. Генри потом предстоит написать именно Чуковскому, в 1910 году его опубликует влиятельная газета "Речь").

Постепенно имя молодого критика становится нарицательным, на него рисуют карикатуры, и к печати готовится сразу несколько его книг: собрание избранных статей, исследование "Нат Пинкертон и современная литература" (анализирующее явление, которое впоследствии назовут "массовой культурой"). Наконец, книга о самом известном писателе этих лет — Леониде Андрееве. Все три выходят в 1908 году, а первый в жизни сборник статей под названием "От Чехова до наших дней" печатается в течение одного года трижды.

Убийственное замечание Чуковского, что Леонид Андреев пишет свои пьесы будто шваброй на заборе, не обидело знаменитого беллетриста. Он заинтересовался такими взглядами на свое творчество, подружился с Чуковским и приглашал его к себе... пожить. А спустя почти столетие именно Корнея Ивановича Чуковского назовут лучшим крити-

ком Серебряного века. И как же он в старости удивится, услышав от Александра Солженицына восторженные оценки своей первой книжке — "От Чехова до наших дней"!

В 1906 году семейство Чуковских из Одессы перебирается под Петербург, снимая дачу в местечке Куоккала. В этом литературном поселке, похожем на будущие Переделкино или Болшево, живут многие герои "критических рассказов" Чуковского. Близким другом надолго станет для него Илья Репин. Репину Чуковский будет позировать для трех сюжетных картин и одного портрета, практически заставит его написать мемуары и станет их редактором, представит ему всех своих героев — от футуристов до Есенина и Мандельштама — и напишет о нем самую удивительную книгу.

*К.И.Чуковский, М.Б.Чуковская, И.Е.Репин и Н.Б.Нордман-Северова
в день смерти Л.Н.Толстого. «Пенаты», ноябрь 1910*

Кстати, именно знаменитый художник придумал название легендарному домашнему альманаху Чуковского — "Чукоккала", собравшему на своих страницах автографы Конан Дойля и Маяковского, рисунки Шаляпина и... стихи Репина. Альманах "Чукоккала" никогда не был собранием автографов, а всегда — полем для игры.

К.И. Чуковский с женой и сыном Николаем

Игра была естественной формой общения Корнея Ивановича и с собственными детьми. Лидия Чуковская точно передает ощущение счастья, которым наполняло общение с отцом ее детство: "В состав воздуха, окружавшего нас, входило и чтение лекций в беседке у Репина, и чтение стихов, и разговоры, и споры, и игра в городки, и другие игры, главным образом литературные, но ни грамма умственного безделья". Чукоккальское счастье разрушил 1917 год. Жизнь сломалась.

В ноябре 1919 года, после мрачного вечера памяти Леонида Андреева в нетопленном зале Тенишевского училища — недавно престижнейшего петербургского лицея, в котором после революции проходили бесконечные лекции и диспуты, — Чуковский записал в дневнике: "Прежней культурной среды уже нет — она погибла, и нужно столетие, чтобы создать ее. Сколько-нибудь сложного не понимают. Я люблю Андреева сквозь иронию, но это уже недоступно. Иронию понимают только тонкие люди, а не комиссары". Однако он ещё многое успеет.

*Портрет работы
Ю. Анненкова*

К 1930 году, за первое послереволюционное десятилетие, будут написаны почти все его главные волшебные сказки — и "Мойдодыр", и "Айболит", и "Телефон". Он выдержит многолетнюю битву за них с тогдашними педологами, утверждавшими, что "Крокодил" — пародия на Некрасова, что "Муха-Цокотуха" прославляет кулаков и мещанский быт и советскому ребенку фантазия — во вред. Уже после смерти Сталина писатель Казакевич так и не смог поверить, что "Тараканище" — не смелая сатира, а своего рода "Ревизор" Гоголя для трёхлетних, что сказка появ-

вилась во времена, когда Чуковский не знал о существовании Сталина.

Дневники Чуковского, описывающие его бытие в двадцатые-пятидесятые годы, — чудовищная фантасмагория, наполненная бесконечной борьбой за право быть писателем, страшными потерями родных и близких людей, утратой любимой профессии.

Не стало Блока, с которым Чуковский работал в издательстве "Всемирная литература" и поддерживал очень теплые отношения. Уже умер в нищете эмиграции Леонид Андреев. В лагерях погибнут знакомый с еще куоккальских времен Мандельштам и сосед по Переделкину Исаак Бабель. Сломана его собственная литературная судьба: "Как критик я принужден молчать... судят не по талантам, а по партбилетам. Сделали меня детским писателем. Но позорные истории с моими детскими книгами — их замалчивание, травля, улюлюкание — запрещения их цензурой — заставили меня сойти и с этой арены...".

1916 г.
18 мая

Финдусь перед Лукованой за слабый рисунок
на Карте И. сдвинул

И. Бродский

Рисунок И. Бродского

К 1930 году, нагруженный поденной работой, бесконечной редактурой чужих и своих книг, волоча на себе огромную семью, он уже оставил за спиной разгромленную властями редакцию "Всемирной литературы", где по инициативе Горького возглавлял англо-американский отдел. Оставил загубленные журналы "Русский современник", "Современный Запад", "Дом искусств".

Его лучшие книги о Некрасове не выйдут из печати даже в хрущевскую оттепель, поскольку они, как и все, что он писал, восстают против привычных советских мифов.

Будущая Ленинская премия за нелюбимое "Мастерство Некрасова" обрадует его разве тем, что "не каждый чиновник сможет теперь плюнуть мне в лицо". И каким горестным воплем прозвучат его слова 1955 года, после того, как он перелистает одну из своих самых блестящих книг — книгу о, возможно, самом дорогом ему писателе, задохнувшемся эпохой и успевшем осознать, что "огонь революции" был фальшивым. "Я прочитал свою старую книжку о Блоке и с грустью увидел, что вся она обокрадена, оципана, разграблена нынешними Блоковедами... Когда я писал эту книжку, в ней было ново каждое слово, каждая мысль была моим изобретением. Но т. к. книжку мою запретили, изобретения моими воспользовались ловкачи, прощельги — и теперь мой приоритет совершенно забыт... Между тем я умею писать только изобретая, только высказывая мысли, которые никем не высказывались. Остальное совсем не занимает меня. Излагать чужое я не мог бы..."

Он пережил и эту эпоху. В мае 1957 года, когда ему — к 75-летию, как положено "писателю с именем", — вместе с Хрущёвым вручали в Кремле орден Ленина, генсек шутливо пожаловался, что устает на работе, а внуки по вечерам заставляют читать "ваших Мойдодыров". Их сфотографировали, но когда в уже антихрущевское время, в семидесятые годы, внучка и наследница писателя Елена Чуковская пришла за фотографией в госархив, изображение опального вождя при ней было отстрижено ножницами. Остался только указующий перст и кусочек носа.

К.И. Чуковский в библиотеке

Новое время, названное "оттепелью", окрылило Корнея Ивановича, но не надолго. Он стал свидетелем публичной казни Пастернака, не спал ночей, придумывая, как спасти товарища по цеху и судьбе. Ничего не получилось. После визита к соседу по Переделкину с поздравлениями по случаю Нобелевской премии Чуковского заставили писать унижительное объяснение, как это он осмелился поздравлять "преступника". Между прочим, стихи Пастернака еще в двадцатые годы Чуковский назвал гордостью отечественной поэзии, а в старости шутливо мечтал о профессии экскурсовода "по пастернаковским местам" в Переделкине.

Корней Иванович первым в мире написал восхищенный отзыв об "Одном дне Ивана Денисовича", давал приют Солженицыну у себя на даче, гордился дружбой с ним и... казнил себя в дневнике, что в угоду цензуре согласился позднее снять его имя в новом издании своей книги об искусстве художественного перевода.

К.И. Чуковский и А.И. Солженицын. Переделкино, лето 1969

Когда его старший сын, "классический" советский литератор, выступил на печально знаменитом собрании Союза писателей осенью 1958 года, шельмовавшем Пастернака, Корней Чуковский внешне бесстрастно записал следующее: "Б.Л. просил сказать мне, что нисколько не сердится на Николая Корнеевича".

Он восхищался гражданским поведением своей дочери Лидии, тревожился за нее, но никогда не забывал, как когда-то присутствовал при обыске в ее квартире. В конце тридцатых он долго хлопотал о расстрелянном зяте, выдающемся физике Матвее Бронштейне, еще не зная, что того нет в живых. Он ничего не простил, но "приоткрылся" по-настоящему лишь в своих дневниковых записях, где были вырваны десятки страниц, а о некоторых годах, вроде 1938, не было сказано ни слова.

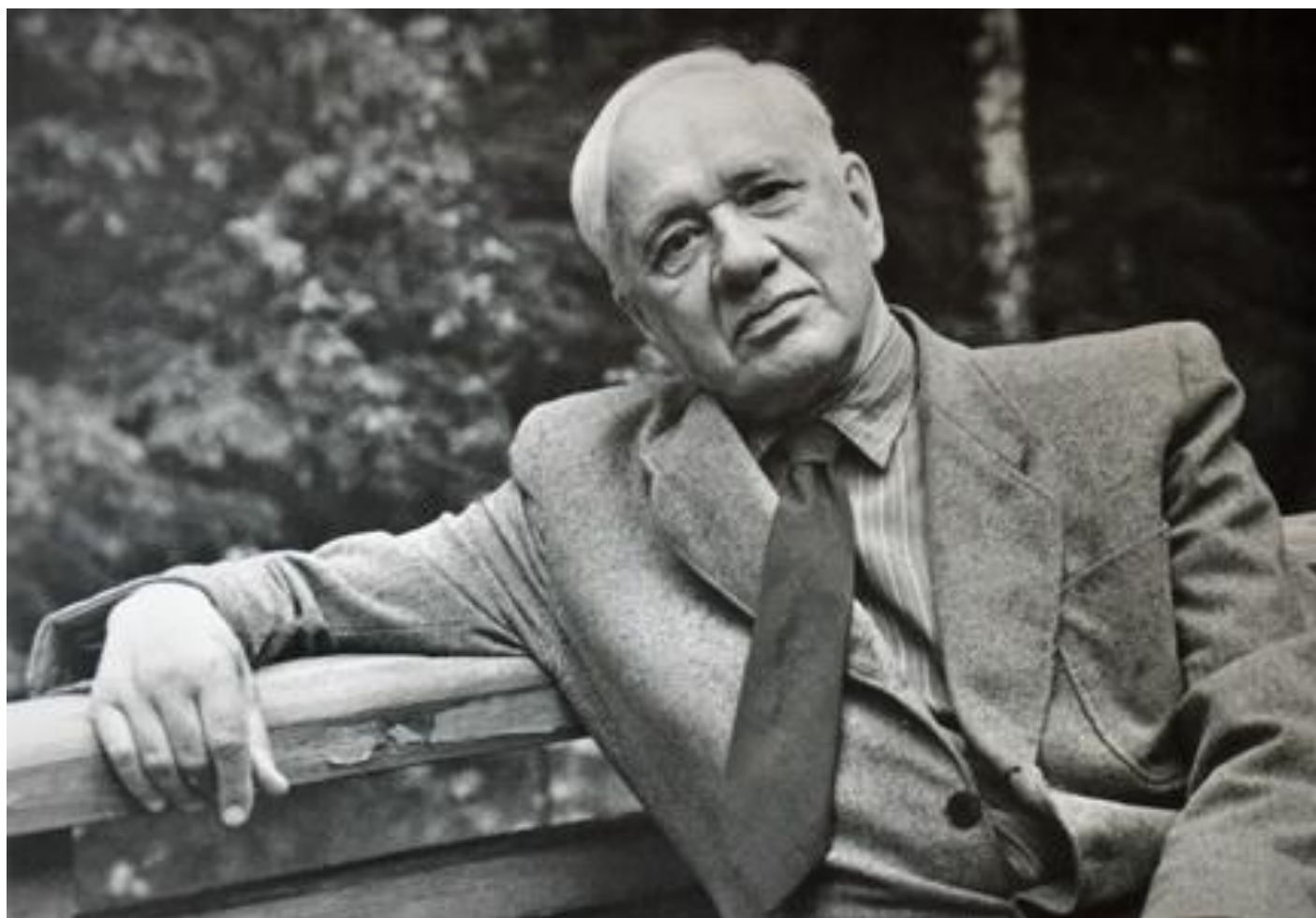

С дочерью Мурочкой

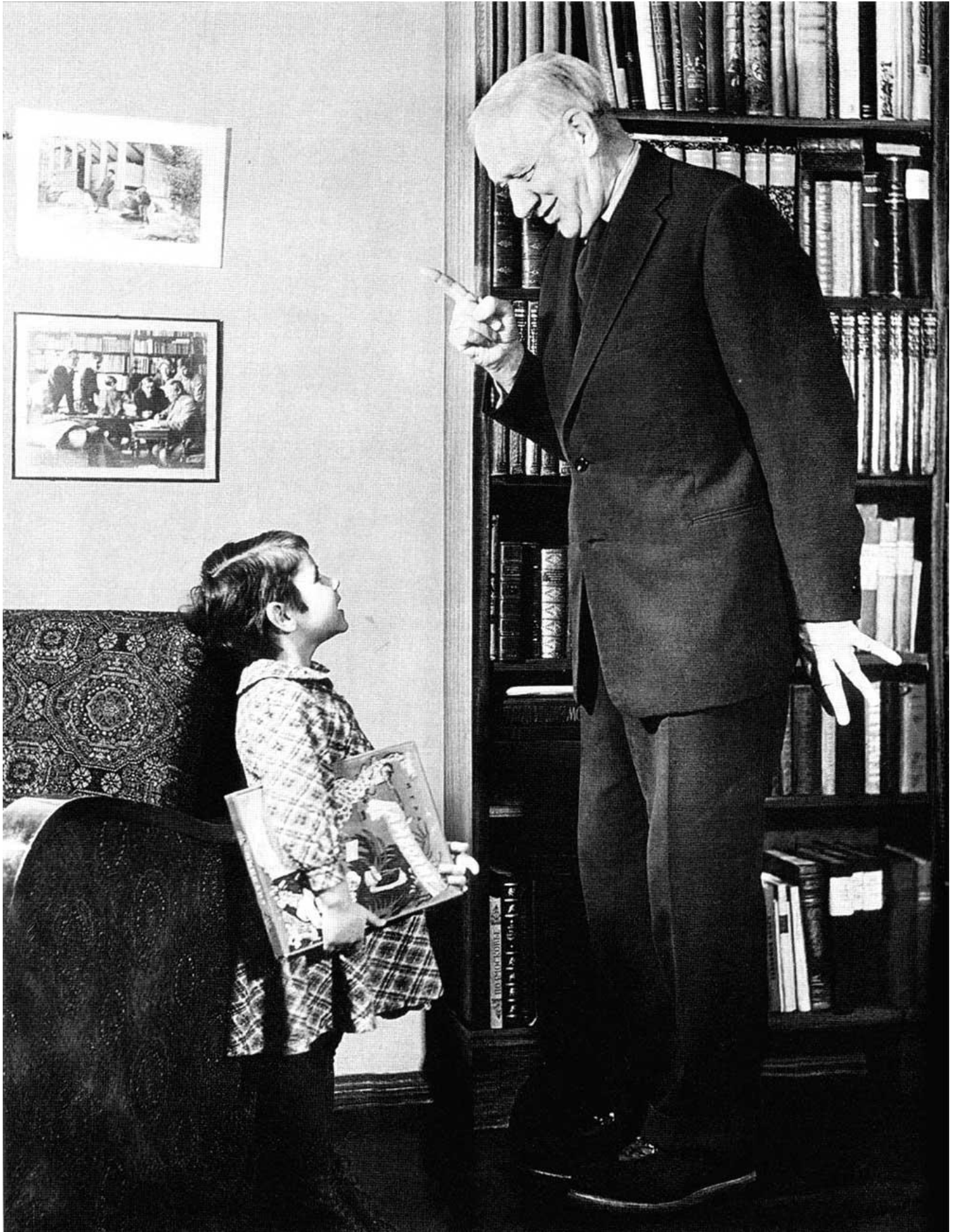
Он успел разувериться во многом, кроме, пожалуй, словесности и детей.

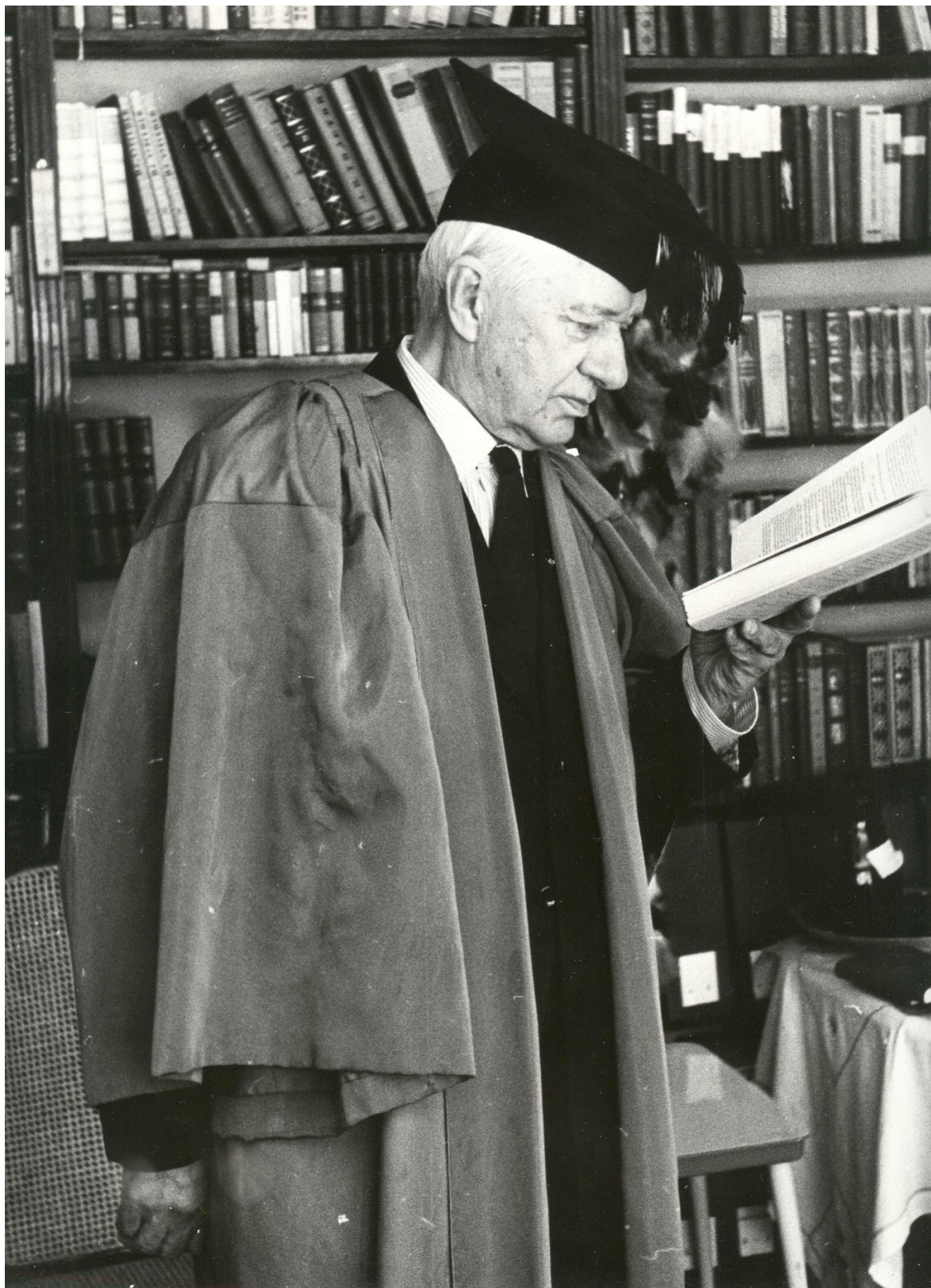
В посвящении на его "Крокодиле" стояло: "Своим глубокоуважаемым детям...". В детей он верил. Ради них строил, как безумный, библиотеку (считая это важнейшим делом своих последних лет), в "предстоянии" перед ними старался не потерять себя.

Не будучи уверенным, что у его дневников будут читатели, он рассказал и о том, кто был для него самым чистым человеком в жизни, ради которого и ему хотелось быть выше. Но дочь Мария, обожаемая Мурочка, умерла в 1931 году в возрасте одиннадцати лет.

В мантии доктора Оксфордского университета. 1963

Вслед за Чеховым он — уже очень давно — посвятил себя помощи реальным людям, спасая многих от холода, голода, творческой и физической смерти. После революции он "устроил паек" уже старухе, сестре Некрасова Елизавете Александровне Рюмлинг. В голодные двадцатые постоянно опекал Ахматову. Помогал после смерти Блока членам его семьи. Как и дочери Репина, князю-анархисту Кропоткину, писателю Юрию Тынянову...

В разговоре с посторонними, пусть и симпатичными ему людьми Чуковскому нравилось аранжировать свою судьбу элементами игры. Ими он прикрывался от пошлости жизни, может быть, той самой, о которой, умирая, говорил Борис Пастернак... Так, Корней Иванович не раз рассказывал о своем удивлении, когда в дни оксфордских торжеств, гуляя по Лондону, наткнулся на памятник королю Георгу V, с которым виделся еще в 1916. "Я привык встречаться в Москве с памятниками своим друзьям: Маяковскому, Репину, Горькому, Блоку... Но чтобы — там!.."

В Переделкине, где Чуковский жил последние тридцать лет, многим запомнились его бесконечные актерства и остроумные реплики, которыми он не щадил даже собственных детей. "Я счастливый отец, — сообщал он заговорщицки. — Если к власти придут правые, у меня есть Коля, если левые — Лида".

Солженицыну он показывал на своем участке то место, где, в случае чего, можно закопать рукописи: "Я так же прятал свою "Чукоккалу". А своего многолетнего секретаря Клару Лозовскую заставлял, как капризный барин, снимать с себя валенки, приговаривая, что в его доме "крепостное право не отменялось!".

Когда в 1966 году умерла Анна Ахматова, о которой Чуковский писал глубокие статьи-исследования и в двадцатые и в шестидесятые годы, его телеграмма в Союз писателей начиналась словами об изумлении. "Изумительно не то, что она умерла, а то, что она так долго могла жить после всех испытаний — светлая, величавая, гордая..."

Чуковский был и первым, благодарным читателем "Записок об Анне Ахматовой" Лидии Чуковской, написанных отчасти под его влиянием. "Ты понимаешь, что должна записывать каждое ее слово?" А четырем годами ранее, в 1962, он объяснил в дневнике тот удивительный факт, почему беззащитная женщина, на которую обрушилась государственная машина, вооруженная пушками и орудиями пыток, оказалась несокрушимой. "Мы зна-

ем, так бывает всегда. Слово поэта всегда сильнее всех полицейских насильников. Его не спрячешь, не растопчешь, не убьешь. Это я знаю по себе... В книжке "От двух до пяти" я только изображаю дело так, будто на мои сказки нападали отдельные педологи. Нет, на них ополчилось все государство... Боролись с "чуковщиной" — и были разбиты наголову. Чем? Одеядлом, которое убежало, и чудо-деревом, на котором растут башмаки".

Кабинет К.И. Чуковского в Переделкино

Перед смертью, слабеющей рукой, он перечислил на бумаге свои главные книги: сказки, труды о Некрасове, Чехове, Блоке; свои переводы, работы о русском языке и искусстве перевода. Он не знал - победил ли. Если и победил, то кого? Но, как справедливо написал современный критик Дмитрий Быков, "лекарство от жизни" он выбрал точно. Это было то самое Слово. Ради мгновений счастья, когда оно давалось в руки, он работал, прорываясь через все трагедии. Странная, на первый взгляд, фраза Ахматовой в его дневнике "стояла" особняком: "Главное — не терять отчаяния"...

Источник: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/kruchkov.htm>

Об авторе: Павел Крючков — литературный критик, сотрудник Государственного Литературного Музея, заведующий отделом поэзии журнала «Новый мир». Литературный обозреватель «Радио России», руководитель проекта «Звучащая литература», лауреат премии «Тэффи».